

Р.Г. Назиров
Институтские рассказы

(Бельские просторы. 2011. № 11.)

Рассказы, представленные в этой подборке, отделяет от нас дистанция больше чем в полвека. А значит, в них идёт речь не просто о другой эпохе – о другой цивилизации. Академик М. Л. Гаспаров в статье «Критика как самоцель» писал: «Когда мы читаем старые “Разговоры в царстве мертвых” – Цезарь со Святославом, Гораций с Кантемиром, – мы улыбаемся. Но когда мы сами себе придумываем разговор с Пушкиным или Горацием, то относимся к этому (увы) серьезно. Мы не хотим признаться себе, что душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки». Такой же глухой стеной отделяет сейчас время от нас и советскую эпоху. Из всего наследия русской литературы XX века тяжелее всего родившимся в 91-м году студентам даётся насыщенная советскими реалиями «Москва – Петушки», там каждая реплика требует комментария, если не перевода. Осторожность нужна и при чтении этих рассказов Р. Г. Назирова, никогда не выходивших, несмотря на свой почтенный (если не для текста, то для человека) возраст, в печати. Здесь посещение ресторана – характеристика богемного образа жизни, мир вращается вокруг комсомольского актива, а завод – самая естественная перспектива трудоустройства.

Поэтому если оценивать художественные достоинства этих текстов – дело редакторов и читателей, то для меня, филолога, они ценны как слепок повседневной истории. Проза Назирова лучше любой другой даёт возможность проследить конструирование системы символических представлений, ориентирующих в бытовой культуре условные сигналы. Р. Г. Назиров, завоевавший себе имя как выдающийся литературовед, в собственной художественной прозе прежде всего бытописатель. Вот как он проговаривается об этом в рассказе «Разговор под звёздами»: «История обычная и, может быть, сильная именно своей обычностью. Трагизм её проступал в деталях». Современники наверняка узнали бы в этих рассказах своих знакомых, зачастую автор настолько следовал «правде жизни», что сохранял фонетическое сходство между реальными именами и именами персонажей. Так занимавшая Назирова-учёного тема прототипов (ей он

посвятил не одну статью) нашла своеобразную проекцию и в его художественном творчестве.

В то же время за советской реальностью угадывается и литературная вечность, которая напомнит о себе то древним сюжетом об обманутом обманщике, то разоблачением несправедного судьи со всеми необходимыми ассоциациями вроде «Разбитого кувшина» Клейста и «Фуэнте овехуна» де Веги.

Название этой подборки дано публикатором. Его мотивировка двойная: это рассказы, написанные Назировым в институте, и частично – об институте. Университетский роман войдёт в литературу только в следующем десятилетии, и это на Западе; у нас он не появился до сих пор. В этом смысле замысел, который попытался реализовать прозаик (в архиве сохранились черновики большого текста под названием «Студенческий роман», тематически перекликающегося с представленной подборкой), вполне новаторский.

В меньшей степени это можно отнести к героям. Это типичные персонажи прозы и кинематографии «оттепели»: прямые и открытые молодые люди, сильные и инициативные, относящиеся к женщине с подчёркнутым уважением. Их антагонисты – богемные избалованные франты вроде студента Сокальского. Отдельный класс персонажей – женский пол. Девушки у Назирова все более-менее типичны, это всегда почти «идеальные» создания, каждую есть за что ценить, они внутренне цельные, твёрдые и уверенные. Упоминаемая в не самом приятном контексте комсомолка с грузной фамилией Чемоданова – редкое исключение из этой галереи назировских «Татьян». Не однажды в рассказах эпоха напоминает о себе выходящими из обихода, а некогда весьма популярными и даже «литературными» именами Зина и Нина:

«В одной редакции редактор спрашивал, получив толстую рукопись:

– Роман?

– Роман.

– Героиня Нина?

– Нина, – обрадовался подающий.

– Возьмите обратно, – мрачно отвечал редактор».

Литературоведческие работы Р. Г. Назирова ярче его писательских опытов. Может быть, потому что первые были созданы им в более зрелом возрасте, чем последние. Как бы там ни было, в прозе явно присутствует скованность стиля, «пережатые» приёмы, слишком узнаваемые сюжеты, –

ни в чём этом нельзя упрекнуть Назирова-филолога. Но нет сомнений в том, что в случае Назирова писатель и учёный нераздельны, они реализуют грани одной личности, которую мы только теперь начинаем познавать в её целостности.

Борис Орехов

На красном сукне

После лекций Петя Лавров подстерёг Зину Кравцову у дверей института.

– Ты не забыла? – грозно спросил он.

– Ой, Петенька, забыла... А что забыла, сама не знаю. Конспекты тебе принести обещала, да?

– К чёрту конспекты!

– Петя?

– Я извиняюсь. В семь ноль-ноль экстренное заседание комсомитета.

– Это ещё что такое?

– Главный вопрос – личное дело комсомольца Николаева.

– Первый раз слышу.

– Тогда ещё раз извиняюсь, – мрачно сказал Петя. – Значит, я не предупредил тебя заранее. Явка обязательна. У меня с этим Николаевым голова кругом пошла.

...В 7.00 комсомитет института собрался в полном составе. На стенах – портреты, стол в виде буквы «Т» покрыт красным сукном. На председательском месте сидел тёмный, как туча, секретарь комсомитета Петя Лавров. По правую руку от него находился чернильный прибор, по левую – графин с водой, накрытый перевёрнутым стаканом. Посредине висела внушительная кипа бумаг. Позади Пети висели на стене три таблички: «Не курить», «Не сорить», «Не занимать телефон личными разговорами». Входящим в комнату прежде всего бросался в глаза сидящий прямо против двери Петя Лавров, вокруг головы которого запретительные таблички образовывали красивый ореол.

Первый вопрос был, как обычно, приём в комсомол. Поглядывая на часы и одним взглядом направляя ход заседания, Петя Лавров прогнал с курьерской скоростью всех трёх выступающих и, когда дверь за

последним из них закрылась, обвёл глазами свой комсомитет и сделал внушительную паузу.

– Сейчас мы приступим к исключительно важному делу. Прошу отнестись к личному делу Николаева со всей комсомольской строгостью и со всей комсомольской суровостью. Николаев совершил преступление...

– Ой! – пугливо сказал Волков, знавший, в чём дело.

– Ну, скажем, проступок, – поправился Петя Лавров и метнул на Волкова недобрый взгляд. – Но этот проступок... (пауза)... я считаю несовместимым с дальнейшим пребыванием в ВЛКСМ.

Он произнёс свою тираду голосом трагического актёра, читающего знаменитый монолог.

– Да в чём же дело? – не выдержала любопытная Зина Кравцова.

– Да, что он такое сделал? – спросила Нина Пояркова.

– Сейчас узнаете. Пригласить Николаева!

И в комнату вошёл Николаев. Это был рослый загорелый парень со значком второразрядника, привинченным к лацкану пиджака (он был один из лучших гимнастов института). Лицо Николаева не выражало ни раскаяния, ни смирения. Напротив, он выглядел довольно воинственно.

– Можете сесть, Николаев, – сказал Петя, не отвечая на приветствие. – Комсомольский билет у вас с собой?

– С собой, – вызывающе ответил Николаев.

– Это ещё к чему? – возмущённо прошипел Волков.

Петя понял, что перегнул палку.

– Можете пока оставить его при себе, – разрешил он и, разворошив кипу бумаг, вытащил решение первичной организации.

– Суть дела, товарищи, в следующем. Комсомолец Юрий Николаев позавчера вечером похитил ключи у вахтёра Бубновой, открыл дверь комсомитета и извлёк из моего стола, из того ящика, что не запирается, пачку уличающих документов, на которых первоначально основывались обвинения по его делу...

– Это что, суд? – спросил Николаев.

– Да, Николаев, если хочешь – суд, только суд более тяжёлый, суд твоих товарищей, комсомольский суд чести. Итак, продолжаю, прошу в дальнейшем не прерывать. Николаев знал, что эти документы представляют важную улику против него, и потому совершил упомянутое хищение. Собрание группы, которое происходило вчера и на котором я не смог, к сожалению, присутствовать, не сумело разобраться в данном

вопросе и со всей принципиальностью применить санкции к нарушителю комсомольского устава и, более того, социалистической законности...

Беда Пети Лаврова заключалась в том, что, раз начав говорить, он не мог остановиться, опьянялся звуком собственных слов, говорил как заведённый, приходил к самым крайним выводам и, по выражению рядовых комсомольцев, «стремился к бесконечности». Именно поэтому под его руководством комсомитет превратился в то, что те же непочтительные рядовые комсомольцы называли «операционной» или «проработочной». Так и на этот раз, Петя Лавров говорил, говорил, говорил и не мог остановиться.

– ...Поэтому, товарищи, мы вынуждены сами разобраться это вопиющее дело и вынести строгое, серьёзное, принципиальное решение, – наконец произнес он и обессиленно откинулся на спинку стула.

– Можно мне? – приподнялся со стула Юрий, красный как рак.

– Подожди, Николаев, ваша очередь ещё не пришла, – сипло ответил секретарь комитета и выпил стакан воды. – Прошу задавать вопросы.

– У меня есть вопрос, – сказала кудрявая и хорошенькая Нина Пояркова.

– Встаньте, Николаев, пожалуйста, Нина.

– Что содержалось в этих документах, которые уличающие?

– Отвечайте, Николаев.

– Ровно ничего имеющего отношение к вопросу, – отрезал Юрий.

– Я тебе отвечу, Нина: в этих документах были записки аморального содержания, – торжественно заявил Петя.

Нина ахнула от испуга и жалости, и её длинные ресницы опустились. Николаев, вне себя от негодования, чуть не прыгнул на секретаря через стол.

– Значит, ты успел их прочесть? – крикнул он.

– Тихо, Юра! – предостерегающе сказал Волков среди общего шума.

Петя Лавров при словах Николаева так и взвился.

– Попрошу мне не тыкать! – кричал Петя, выписывая в воздухе обеими руками турбулентные завихрения. – Мы тут с вами не на базаре и не в очереди за хлебом! Извольте обращаться ко мне на «вы» и соблюдать элементарные правила приличия! Извольте...

– Ладно, давай к делу! – громко прервал его Волков. – А ты, Юрий, не горячись и не шуми. Всякому овощу – своё время, и всё будет в порядке, понял? Петя, прошу разъяснения: что именно аморального было в тех записках?

- Они были написаны Николаевым к одной из студенток...
- К кому именно? – выскочила любопытная Зина Кравцова.
- Не ваше дело! – грубо ответил Николаев.
- Ого!
- Каков гусь!
- Нет, вы только посмотрите...
- Тихо, тихо, дайте Пете сказать...
- К кому именно, установить не удалось, так как ответные письма подписаны инициалами, а с Чемодановой я по этому вопросу побеседовать не успел. В этих записках с той и с другой стороны говорится о любви, о любовных томлениях и прочей архиерунде. Из содержания выявляются гнилое мещанское нутро Николаева и его корреспондентки, все их родимые пятна и пережитки в сознании. В конце каждого письма регулярно ставится: «Целую» – и прочее. Назначаются встречи. Из некоторых намёков следует, что между ними существуют ненормальные нетоварищеские, аморальные отношения. Мы, комсомольцы, должны бороться против нарушения устава ВЛКСМ, где говорится о борьбе с нетоварищеским отношением к женщине...
- Если бы все комсомольцы понимали этот пункт устава как Лавров, – громогласно заявил Юрий Николаев, – то браки между комсомольцами и комсомолками прекратились бы!
- Без шуточек! – проскрежетал Петя.
- У него даже губы побелели от негодования.
- У меня вопрос, – поднялась любопытная Зина, – как эти письма попали в комсомитет?
- Хороший вопрос, – проворчал Волков.
- Да, хороший вопрос! – поднял перчатку Петя. – Секретарь комсбюро группы Чемоданова, через которую Николаев беспрестанно пересылал записки, сделала ему замечание в том духе, что она не является для него почтовой конторой. На это Николаев ответил неприличной бранью...
- Даже так? – спросила опечаленная Нина Пояркова.
- Именно бранью, из-за чего, собственно, и началось дело. Он назвал её...
- Петя сделал такую тяжёлую паузу, что все смутились, и даже любопытная Зина пискнула: «Ну, к чему это...»
- ...Он назвал её крашеной воблой!

Грянул взрыв хохота. Ошеломлённый Петя в диком недоумении смотрел на веселящийся комсомитет и думал: «В чём дело? Отчего они смеются? Может быть, я запачкал чернилами своё лицо?»

– Ой, до чего похоже! – стонала Ниночка Кравцова, вытирая слёзы.

Когда смех начал утихать, кто-нибудь представлял себе постное лицо Чемодановой, принимался хохотать снова и заражал других.

– Довольно! – решительно сказал Волков. – Что было дальше?

С трудом собравшись с мыслями, Петя продолжал:

– Дальше Чемоданова вполне резонно решила поставить вопрос о корреспонденции на лекциях и оскорблении личности. В перерыв она подошла к Николаеву и отобрала у него уличающие письма.

– Я в это время был в деканате, – вставил Николаев.

– Верно, я так слышал от самой Чемодановой, – подтвердил тихий Миша Коробочкин. – Она сказала, что нашла эти письма среди конспектов Николаева.

– Но это безобразие! – сказала Нина Пояркова. – Какое она имеет право красть чужие письма...

– Это не чужие! То есть это не письма! То есть не красть! – отчаянно объяснял Петя, вновь поднявшись и рисуя турбулентности. – Ведь это... это... как это, я уже это говорил... да, улики!

От волнения он уже начал забывать слова.

– Понимаете, у-ли-ки!

Но тут Николаев решительно вмешался в спор.

– Да что за чепуха, какие улики? Письма написаны не на лекциях, они только были вынуты из конвертов. Осенью мы с... мы с этой девушкой работали в разных колхозах и переписывались; эти письма я ношу с собой и только случайно оставил на столе. Крашенная вобла – виноват, Надежда Чемоданова – просто стащила их у меня.

– Что было в этих письмах? – ребром поставила вопрос Зина.

Николаев повернулся к ней красный и злой.

– Если уж тебе так хочется знать, хотя это тебя не касается, всё же скажу: мы с... мы с этой девушкой любим друг друга, ясно?

Все замолчали.

– И мы писали друг другу о своих делах и о своей любви.

В комсомитете воцарилась тишина. Всем стало неловко. Любопытная Зина съёжилась под неприязненными взглядами и готова

была провалиться от стыда. Петя Лавров всё ещё ничего не понимал и пытался вновь овладеть ситуацией.

– Хорошо, оставим пока первый пункт дела, – великодушно сказал он. – Перейдём к главному – хищение документов из-под замка. Николаев, вы взяли письма?

– Да, взял.

– Самовольно?

– Только самовольно и не иначе. Письма-то были мои.

– Как вы открыли дверь комсомитета?

– Ключом.

– Ага, ключом, обратите сугубое внимание. Как вы достали ключ?

– Ударил бабу Афанасьевну по голове, выбросил труп в окно и забрал ключ, только и всего, – с хладнокровием старого убийцы ответил Николаев.

– Ты брось шутить! – взволнованно сказал Петя.

– Попрошу мне не тыкать! – неожиданно заорал Юрий Николаев, в точности имитируя интонацию и жесты Пети. – Мы тут с вами не на базаре и не в очереди за хлебом! Извольте обращаться ко мне на «вы» и соблюдать элементарные правила приличия!

Порядок ведения собрания был окончательно сорван. Волков и Нина Пояркова смеялись, улыбался даже скромный Миша Коробочкин. Любопытная Зина поочерёдно оглядывала всех и переводила взгляд то на Юрия Николаева, то на Петю Лаврова.

– Товарищи! – воззвал Петя. – Будьте серьёзнее! Будьте принципиальнее! Надо со всей комсомольской беспощадностью... Это же уголовное дело, это нарушение законности... Тут нужно судить...

В этот момент дверь распахнулась, и вошла вахтёрша Афанасьевна. Её лицо под седыми волосами горело пунцовым румянцем.

– В чём дело, товарищ Бубнова? – спросил разъярённый Петя.

– Не могу больше терпеть такого издевательства! – тяжело дыша, ответила Афанасьевна. – Куда какое страшное дело! Ну, пришёл парень, ну, рассказал мне свою беду, ну, я сама открыла комитет и своими руками вынула эти листочки. Из-за чего сыр-бор разгорелся?

– Как вы могли решиться? – пролепетал потрясённый Петя. – И зачем вы подслушивали?

– Не тебе меня учить, – обиделась Афанасьевна, – у меня таких, как ты, четверо. А что касается, как я могла решиться, так это очень просто, разве

я сама молодой не была? Письма от суженой его, а ты в них свой нос суёшь, кладёшь их в ящик вместе со взносами. Совесть-то по уставу иметь полагается?

– Сумасшедший дом, – сказал Петя.

– Правильно, Афанасьевна! – поддержала старуху Нина Пояркова.

– Я сама его упростила никому не говорить, да только слышу, ты судом ему грозишь, несовместимый поступок на него взводишь, социалистическую законность поминаешь. Ты его под статью не подводи! Я, если что, сама к прокурору пойду, а на тебя докажу. Я тебя вот с таких знаю, я всё про тебя распишу, ещё как тебя мои ребята после уроков в школе за ябеду колотили...

– Я больше не могу... Воды! – прошептал Петя, близкий к обмороку.

– Хватит, Афанасьевна, а то ему дурно, – сказал Волков.

– То-то же, правда глаза колет. Ладно, я пойду, кончайте заседать. Дело выведенного яйца не стоит.

Когда дверь закрылась, Волков взял слово.

– Я целиком присоединяюсь к мнению предыдущего оратора, – чинно сказал он. – По меткому выражению товарища Бубновой, это дело не стоит выведенного яйца. Наш уважаемый секретарь явно не разобрался в деле. Так как он внезапно почувствовал лёгкое недомогание, предлагаю ведение собрания передать мне. Есть другие предложения? Кто за? Кто против?

– Воздерживаюсь, – хрипло буркнул Петя.

– Принято абсолютным большинством, – сказал Волков и, передвинув графин к себе, постучал по нему карандашом. – Продолжаем заседание. Давайте по-деловому, товарищи. Нужно закруглить этот вопрос и перейти к следующему.

– Следующего не было, – недоумённо подал голос Петя.

– Не было, так будет, – ответил Волков.

– Минутку! – Филя Костоедов поднял руку. – Как занести в протокол выступление Афанасьевны?

– Тоже мне, писарь: «вызванная на заседание тов. Бубнова» – и дальше как положено, что тут думать. Товарищи, подведём итог. Комсомолец Николаев совершил целый ряд серьёзных проступков: писал записки на лекциях – раз, передавал их через Чемоданову – два... Впрочем, я путаю, Филя, про Чемоданову не пиши. Второй его проступок – что он назвал Чемоданову воблой, это нехорошо.

– Писать или не писать про Чемоданову? – спросил Филя.

- Конечно, писать, что ты меня с толку сбиваешь?
 - Это ты меня с толку сбиваешь: не писать – конечно, писать!
 - Ладно, пиши и не перебивай. Комсомолец Николаев... на чём я остановился? Комсомолец Николаев проявил невыдержанность, самочинно изъяв из комсомитета письма любимой девушки вместе со своими записками, написанными на лекциях. За всё это вместе взятое я предлагаю вынести ему выговор.
 - С занесением в личное дело, – прошелестел Петя Лавров.
 - Без занесения в личное дело! – хором ответил комсомитет.
 - Кто за? Все за, Лавров воздерживается.
 - Я только за воблу, – сказала Нина Пояркова, сама получавшая записки на лекциях.
 - Я за изъятие документов, – сказала Зиночка, любившая порядок.
 - Итак, Николаев, объявляем тебе выговор. Иди домой и больше так не делай.
 - Тебя подождать?
 - Не жди, вопрос будет серьёзный.
 - До свиданья, товарищи! – бодро сказал Николаев.
 - До свиданья! – ответили ему.
- И только Петя Лавров из духа противоречия сказал по-своему:
- Будьте здоровы.
 - Теперь обсудим самый главный вопрос, – твёрдо сказал Волков. – Этот вопрос нужно было поставить давно, и все мы виноваты в этом огромном упущении. Пиши, Филя: «Вопрос о бюрократическом стиле работы секретаря комсомитета товарища Лаврова П. Н.».
 - Что такое? – заскрипел Петя.
 - По этому вопросу слово имею я. Филя, пиши подробнее. Лавров избран секретарём первого октября...
 - Не имеете права! Устав! – поднялся Петя.
 - Имеем право. Меньшинство подчиняется большинству. А ты в меньшинстве. Сиди, слушай и не прерывай меня. Говорить будешь, когда придёт твоя очередь. Мы устав знаем.
 - Но это зажим...
 - Меньшинство, без реплик! Я продолжаю.
- Забытое дело Юрия Николаева лежало на красном сукне.

Блестящий студент

В перерыве между лекциями трое студентов курили в конце институтского коридора. Одного из них звали Иван Ключников, у него было круглое лицо с прямым подбородком. Самый высокий и красивый из троих, Алексей Сокальский, выглядел человеком спокойным и уверенным. Третий был худощавый, с конопатым лицом, насмешливый и дерзкий Коля Цветков.

– Половину? До сессии? Половину можно прочитать один раз, – говорил Иван, – но это ничего не даёт.

Коля Цветков выпустил облако дыма.

– До сессии можно ещё пройти всю программу, – сказал он.

– Чудаки! – мягко улыбаясь, сказал Сокальский. – О чём вы спорите? Я пока что не начинал повторять и считаю это в порядке вещей.

– Ты будешь иметь бледный вид на экзаменах, – предсказал Коля Цветков.

– Бледный вид с голубыми оттенками, – уточнил Иван.

Алексей Сокальский пожал плечами, спорить не стал. Он пока ещё присматривался к студентам этого института, куда он недавно перевёлся из другого города. В том городе жили родители Алексея, и ребята не могли понять, зачем ему понадобилось переводиться.

Когда лекция кончилась, Алексей Сокальский вышел из института вместе с Людой Ясеновой. Шёл мягкий снег без ветра. Настроение было приподнятое: занятия первого полугодия кончились, до первого экзамена оставалось ещё четыре дня. Алексей взял Люду под руку.

– Ребята предсказывают, что я завалю экзамены.

– Но в самом деле, Алёша, ты ведь несколько не готовился.

– Наплевать! – беспечно ответил Алексей. – Впереди четыре дня и четыре ночи. Главное – ночи. Вернее даже, четвёртая ночь. Она всё решит.

– Всю программу штурмом не возьмёшь.

– Возьму. Иначе какой я студент? Наши ребята работают как лошади. У меня такие работяги вызывают жалость и лёгкое презрение. Долбят, долбят, а выше четвёрки всё равно не могут вытянуть. Экзамен – это лотерея, выигрывает тот, кто вытягивает выигрышный билет. Главное, Люда, не теряться ни в каких обстоятельствах. Что касается меня, я верю в свою счастливую звезду. Она меня вывезет из любой беды. Он говорил полусерьёзно, полусмешливо.

Вечером, получив денежный перевод от отца, Сокальский пригласил своих товарищей в ресторан. Он заказал водки, вина, хорошей закуски, ловко ввернул молоденькой официантке двусмысленную шутку. В просторном зале ресторана он чувствовал себя как рыба в воде: у него появилась радушная улыбка и размашистые движения. В простой компании студентов Сокальский был душой общества.

В разгар веселья Алексею передали с одного из соседних столов необычное послание — на бумажной салфетке написан карандашом чей-то адрес и ниже приписано: «Всегда буду рада вас видеть». Он обернулся: ему плутовато улыбалась заметно хмельная девушка в нарядном платье. Заметив взгляд Алексея, она своей белой рукой с малиновыми ногтями подняла бокал вина и выпила, глядя на него.

Он встал, подошёл к девушке, поклонился и проговорил с ней минуты две. Вернувшись, предложил деловито:

– Ну, мальчики, давайте добивать!

Студенты понимающе усмехнулись, допили вино. Алексей жестом подозвал официантку, и она защёлкала на счётах. Сумма сложилась немалая, но Алексей и бровью не повёл: вынул из кармана толстую пачку отцовских денег и щедро бросил на залитую вином скатерть несколько новеньких хрустящих бумажек.

– Гуд-бай, мальчики! – он поднялся. – Я пошёл.

– Счастливо! – раздалось в ответ. – Доброй ночи!

– А как же Люда? – спросил Иван Ключников.

– До чего же ты прямолинейно мыслишь, Ваня, – добродушно ответил Алексей. – Люда! Что Люда? С ней у меня чисто интеллектуальное ухаживание. Можно даже сказать, что я её люблю. Но любовь есть любовь, а спорт – это спорт. Одно другому не мешает.

Студенты смеялись, а Иван Ключников чувствовал себя глупеньким мальчиком, которого потрепал по плечу выдавший виды мужчина. Алексей вышел вместе с нарядной девушкой. Ребята посидели ещё немного, взяли пива и этим кончили вечер. Выходя из ресторана, они говорили, что Лёшка Сокальский немножко заносится, но в общем парень неплохой.

До самых экзаменов Алексей был занят тем, что растрачивал деньги, присланные отцом. Накануне первого экзамена он проспал весь день, а вечером купил в магазине плитку шоколада и две пачки «Казбека», чтобы заниматься ночью. Спать он больше не ложился.

На экзамен Алексей явился одним из последних. На нём был безукоризненно отглаженный костюм и тщательно подобранный галстук, завязанный узлом чуть побольше булавочной головки. Но вид у него был довольно бледный, только не с голубыми оттенками, а с зеленоватыми. Когда у него попросили закурить, он вынул коробку «Казбека», в которой оставалось три папиросы.

Только хладнокровие спасло Алексея от провала. Он взял билет, сел и стиснул руками виски. Вопросы билета были для него довольно смутны. Он написал на клочке промокашки краткое содержание своих вопросов, скатал это письмо в комок и незаметно для экзаменатора перебрал сидевшему поблизости Ивану Ключникову.

Иван был, по выражению Алексея, из породы честных работяг. Он твёрдо знал материал. Брезгливо оглянувшись на бледного Алексея, коротко набросал ответ и переслал его тем же путём. Эти руководящие указания помогли Алексею вспомнить остальное, все обрывки он искусно связал в одно целое и вышел отвечать с уверенным и ясным лицом.

Он говорил ровно, без запинки, подтверждая свои мысли продуманными примерами. Экзаменатор, молоджавый доцент Простодухов, слушал Алексея с удовольствием. Глядя на осунувшееся лицо студента, он думал, что Сокальский, несомненно, много работал. Поэтому доцент прервал Алексея и поставил ему «отлично». Алексей втайне ликовал: в последнем вопросе у него оставалось «белое пятно», которое могло ему всё испортить. Но Простодухов не дал ему довести ответ до опасного места.

Сокальский вышел с рассеянным видом, и со всех сторон на него набросились студенты:

– Что он тебе поставил?

– Кажется, «отлично», – равнодушно ответил Алексей.

Его поздравляли, жали руки. Немного погодя вышел хмурый Иван Ключников, осторожно помахивая зачёткой с непросохшей оценкой.

– Что у тебя? – спросил Алексей.

– Хор, – ответил Иван. – Да ну к дьяволу – знать-то я знаю, а подать под хорошим соусом не умею.

– Ничего, научись! – великодушно сказал Алексей и хлопнул его по спине. – В конце концов, терпение и труд тоже могут принести кое-какую пользу.

Следующий экзамен был самый трудный. Старый Сильвестр Иванович Егоров был опытный преподаватель, провести его было нелегко. Алексей решил, что рисковать не стоит.

В день экзамена Ключников зашёл за Алексеем. Алексей жил в центре города, в доме с газом и всеми условиями. Он снимал комнату у старой пенсионерки. Иван застал его за работой. Алексей писал, перед ним на столе была целая куча очень чистеньких и милых шпаргалок. Он составлял их артистически, на маленьких бумажных квадратиках, пронумерованных по порядку и аккуратно обрезанных. В его работе было настоящее вдохновение, и каждая шпаргалка представляла собой своего рода произведение искусства.

– А это что, тоже шпаргалка? – спросил Иван.

Он нашёл на столе какую-то бумажку, сразу увидел печатный бланк и карандашные пометки, сделанные служебным почерком.

– Нет, это квитанция почтовая, – ответил Алексей.

– Авиапочта. Отцу писал?

– Отцу, – буркнул Алексей, забирая квитанцию.

– К чему такая спешка?

– Хотел порадовать его первой победой, – невразумительно объяснил Алексей. – Сразу после экзамена написал.

– Похвально, – заметил Иван, внимательно рассматривая Алексея. Ему было ясно, что Алексей лжёт. Скорее всего, он писал отцу с целью получить внеочередной куш.

– Скоро ты кончишь?

– Кончаю, – сказал Алексей, – сейчас пойдём.

Он разложил шпаргалки по карманам, надел свою щегольскую зелёную шляпу, обмотал шею белым шёлковым кашне и снял с вешалки модное пальто.

– Марья Петровна, – сказал он хозяйке, – я ухожу, вернусь часов в семь. Будьте добры, приготовьте мне ванну.

– Хорошо, Алёшенька.

– И купите бутылку хорошего вина, полагаюсь на ваш вкус, вот деньги.

– Куплю, Алёшенька.

На лестнице Иван спросил у Алексея:

– Слушай, как ты с ней обращаешься? Она что тебе, домработница, что ли?

Алексей помолчал, давая Ивану понять бестактность его вопроса.

– Знаешь, Ваня, – ответил он с холодком, – я плачу ей триста рублей в месяц. За свои деньги я требую кое-каких услуг. Это в порядке вещей.

Перед тем как войти в комнату, где шёл экзамен, Алексей ещё раз проверил свои шпаргалки. Вооружённый этим «грозным оружием», он отправился на экзамен. Сильвестр Иванович сумрачно ответил на его приветствие. Алексей взял билет, сел и начал вытягивать шпаргалку. Коле Цветкову, подглядывавшему в дверь, казалось, что Алексей сидит неподвижно.

– Кажется, Сокальский горит, – мрачно констатировал он.

Наконец Алексей достал шпаргалку, положил её в ладонь левой руки и, поглядывая на ладонь, стал осторожно переписывать содержание листочка.

– Сдувает! – прошептал Цветков.

В середине своей «подготовки» Алексей взглянул на Сильвестра Ивановича, и сердце в нём ёкнуло: слушая ответ одной из студенток, экзаменатор краем глаза наблюдал за Алексеем. Однако Алексей решил идти напролом – у него были веские основания надеяться на благополучный исход. Он списал всё до конца, вышел отвечать, приосанился и стал читать свой ответ.

Егоров слушал, опустив седую голову, подавленный наглостью этого внешне привлекательного молодого человека. Лишь один раз с горьким недоумением посмотрел ему в лицо. Блестящие глаза Алексея ответили ему ничего не выражающим светлым взглядом. Сильвестр Иванович отвернулся и стал протирать очки.

– Вы кончили? – спросил он, когда Алексей замолчал.

– Кончил, – ответил Алексей не совсем уверенно.

Сильвестр Иванович взял зачётную книжку, проставил оценку и бросил книжку чуть не в лицо сидевшему напротив Алексею.

– Возьмите зачётку, скажите «до свидания» и закройте дверь с другой стороны.

«Неужели двойка?» – подумал Алексей. Он пересохшим горлом сказал «до свиданья» и, выходя, споткнулся на пороге: в графе оценок было выведено «отл.».

– Смешно, – сказал он. – А впрочем, всё в порядке вещей. Ну, что вы смотрите? «Отлично».

– Он ничего не заметил?

– Нет, не заметил, всё обошлось благополучно.

– Мы видели, как ты сдувал.

– Ладно, дайте закурить, – недовольно оборвал Алесей.

И отправился домой принимать ванну. Вскоре из аудитории вышла девушка, сдававшая после него. Она рассказала, что Сокальский «засыпался»: Сильвестр Иванович увидел, что он списывает, выслушал его ответ и поставил ему «неуд.».

– Видели бы вы, как он швырнул ему зачётку!

– Ты что-то путаешь, – удивлённо сказал Иван Ключников. – Мы сами видели в его зачётке «отлично».

– Не может быть!

– Своими глазами видели.

– Правда, – подтвердил Цветков.

– Но ведь он видел! Видел, как Сокальский сдувает со шпаргалки.

Ребята посмотрели друг на друга. Иван начал догадываться, в чём дело.

– Когда у человека хороший папа, – зловеще усмехнулся Коля Цветков, – то никакие землетрясения не страшны, не говоря уж...

– ...об экзаменах, – окончил Иван.

Алексей Сокальский с помощью тех же методов сдал оставшиеся экзамены на «отлично». Он выглядел победителем. На другой день после последнего экзамена Алексей пошёл с Людой Ясеновой в кино.

Они сидели рядом, соприкасаясь плечами. В призрачном отблеске экрана лицо Алексея казалось печальным и красивым. Люда почувствовала, что Алексей взял её за руку, но не пошевелилась. Когда на экране герой объяснялся в любви, Алексей переплёл её пальцы со своими и стал что-то шептать ей. Люда ничего не слышала от волнения. Алексей был первым парнем на факультете, и на него заглядывались.

Возвращались из кино по пустынным улицам. Над крышами проплывала полная луна. Снег громко скрипел под их шагами.

Иван Ключников шёл домой из того же кинотеатра. Он видел, как в тени дома Алексей целовал Люду. Иван перешёл на другую сторону улицы и подумал, что Алексей – везучий парень, всё ему даётся без особого труда: удачно «толкнул» экзамены, от девушек ему отбоя нет. Но почему-то Иван не завидовал удачливости Алексея.

Итак, зимняя сессия кончилась. На комсомольском собрании, посвящённом её итогам, выступил декан факультета. Он надел очки, раскрыл портфель и принялся читать бесконечные цифровые данные об

успеваемости и посещаемости. Собрание зевало. Но вторая часть доклада была интереснее. Перечисляя сильнейших студентов факультета, декан начал с фамилии Сокальского.

Сидевший в первом ряду доцент Простодухов шепнул на ухо старику Егорову:

– Блестящий студент этот Сокальский!

И декан тоже в заключение ещё раз подчеркнул успехи в учёбе, достигнутые Сокальским.

Все взгляды обратились на Алексея. Внушительный и спокойный, он сидел в середине зала рядом с Людой Ясеновой, и всеобщее внимание ничуть не смущало его. Девушки перешёптывались, глядя на него, но Алексей не смотрел на них, а две-три смелых записки с рыцарской честностью передал Люде. Она прочла, и они переглянулись с улыбкой.

Иван Ключников, сидя позади Алексея, наблюдал за ним. Ласковая улыбка, с которой Алексей смотрел на Люду, показалась Ивану отвратительной. Он вспомнил девушку из ресторана – и ему захотелось грубо, напрямик сказать Алексею: «Брось ломать комедию!»

Но вместо этого Иван поднялся и стал пробираться к выходу. Уже выходя из зала, он услышал слова председателя:

– Комсомольцы просят выступить товарища Сокальского. Расскажите, как вы добились отличных результатов в учёбе.

Раздались аплодисменты. Иван остановился за дверью зала. Ему захотелось услышать, что скажет Алексей. Сокальский бодрой походкой прошёл по залу, легко вспрыгнул на эстраду и оперся на кафедру.

– Стать отличником учёбы не так уж трудно, – с места в карьер заявил он.

– Нужно только... – он мгновение помедлил, словно размышляя, – нужна только твёрдая воля и умение работать. Упорный труд – залог успеха. Нужно работать в течение всего года, а не в ночь перед экзаменами. Только регулярная, ровная работа. Ежедневный, правильно распланированный труд приносит прочные и глубокие знания...

В это время Ивану пришлось отскочить от двери, у которой он слушал речь Сокальского. Дверь широко распахнулась, из неё вышел Егоров и с шумом закрыл дверь. Старик громко высморкался и произнёс с уничтожающим выражением:

– Блестящий студент!

Он повернулся к Ивану Ключникову.

– Вы что, его друг?

Речь шла о Сокальском, это было ясно само собой, и Ключников, слегка смутившись, ответил:

– Не то чтобы друг, а так... выпивали вместе.

– Так я и думал, – пробормотал Егоров, – настоящих друзей у такого проходимца и быть не может.

Старик поник головой.

– Да и я-то хорош, – сказал он в горестном раздумье, – его отец – мой старый друг, перед самым экзаменом он звонил мне по телефону...

Он не договорил, но Ивану было достаточно слышанного. В этот миг народ повалил из зала, собрание кончилось. Около Ивана Ключникова собрались ребята из его группы. Прошёл Алексей, с размягчённым и довольным лицом.

– Сокальский, поговорить бы надо! – окликнул его Цветков.

– Некогда, мальчики, в другой раз, – извиняющимся голосом ответил Алексей. – Очень тороплюсь.

Ребята проводили его внимательными и насмешливыми взглядами.

– Ты слышал его выступление? – спросил Цветков у Ивана.

– Слышал: пел, как курский соловей.

– Ну и пройдоха же он! – удивлённо сказал кто-то из ребят.

– Вы ещё не всё знаете, – сказал Иван. – Жаль, он ушёл. Ну что ж, будем говорить без него.

Через несколько дней выдавали стипендию. Алексею Сокальскому причиталась теперь повышенная. Он быстро, умело пересчитал деньги и поставил в ведомости свою подпись: «АСокальс» – и длинный извилистый росчерк.

Пряча деньги во внутренний карман, он удовлетворённо улыбнулся:

– Порядок, мальчики! Сейчас я пойду на почту, получу перевод от отца. С этого месяца в награду за примерное поведение и прилежание старик повысит мне жалованье. Так что поступило предложение организовать сегодня культпоход в ресторан. Возражений нет?

Ответом ему было полное молчание. Удивлённый Алексей огляделся: все были заняты своими делами и с притворным равнодушием обходили его.

– Вы что, мальчики, оглохли? Кто за культпоход, поднимите руки!

Иван Ключников подошёл к нему и заговорил, тщетно пытаясь подбирать слова повежливее:

– Вот что, Сокальский, придётся вам пить в одиночку. Нам ваша подлая натура пришлась не по душе. Лучше вам с нами не иметь никакого дела. А ещё лучше для вас было бы...

– Что такое? – гордо перебил Сокальский. – Ты, кажется, забываешься.

Он стоял прямо и медленно стягивал перчатку с пальцев правой руки. Одна бровь у него нервно запрыгала. Запахло дракой: Иван был ниже Алексея на полголовы. Люда Ясенева в испуге сделала движение, чтобы подойти, но одна из подруг обняла её и увела с собой.

– Нет, это вы забываетесь, дорогой товарищ, – приторным тоном сказал Коля Цветков и с издевательской лаской заглянул в глаза Сокальскому. Кругом молча стояли ребята.

Через месяц Алексей Сокальский забрал из института свои документы и уехал в другой город.

Учебно-академический сектор

(Третий рассказ из серии «В одном институте»)

– Итак, товарищи, мы должны встретить праздник Советской конституции стопроцентной посещаемостью и успеваемостью! – сказал в заключение секретарь комсбюро факультета.

План работы был утверждён, заседание кончилось. Секретарь вышел с Иваном Ключниковым, ответственным за учебно-академический сектор. Они закурили.

– Ну как, Иван, выяснил ты причины неуспеваемости Кати Строгановой?

– А что тут выяснять? Все её умственные способности уходят на поддержание и развитие своей природной или искусственной красоты. Ты видел, какой у неё пропеллер на шляпе?

– При чём тут пропеллер? – поморщился секретарь. – Ты спрашивал, какая ей помощь нужна?

– Зачем спрашивать? Я поговорил с ней полчаса и убедился, что ей нужна одна помощь – найти ей нестарого и выгодного мужа. В крайнем случае – студента, только сталинского стипендиата.

– Нет, Иван, с тобой невозможно работать, – грустно сказал секретарь. – Придётся мне самому найти эту Катю и серьёзно поговорить с ней.

Иван был искренне огорчён и удивлён тем, что расстроил секретаря – умного, хорошего студента, всегда чем-то озабоченного. Иван очень

уважал своего секретаря, но что поделаешь, если они по-разному смотрят на вещи.

Завтра у них намечался семинар по политэкономии. Иван взял в библиотеке первый том «Капитала» и принялся за работу. Нужно было проконспектировать главу.

Иван сидел и писал, когда чья-то рука опустилась на плечо. Он поднял голову, ему улыбалось весёлое лицо Коли Цветкова. Они молча пожали руки друг другу и пошли покурить.

– Ну, что вы там решили сегодня? – спросил Коля.

– Как всегда: даёшь стопроцентную успеваемость и посещаемость.

– Ничего нового?

– Что у нас может быть новое! Казённые слова, обычные решения. Слушали – постановили. Встретим День Конституции... И так далее. Нет у нас никакого живого дела.

– А ты всё же молодец, Иван. После того, как ты разгромил наших редакторов, стенгазеты стали интереснее. Последняя факультетская стенгазета выглядит совсем по-новому.

Они курили и болтали. Коля острил, как обычно, назвал заполненную дымом курительную комнату «камерой окуривания». Сам Иван неуклюже пытался острить, как всегда под влиянием Коли приходя в хорошее настроение. Поэтому для Ивана особенной неожиданностью было то, что произошло на следующий день.

Он пришёл в институт без десяти минут восемь, сдал пальто и шапку, неторопливо поднялся по лестнице. На втором этаже стоял Коля Цветков, отставив ногу и держа руку в карманах пальто. Шапки на нём не было. Шапку держал в руках комендант здания: он стоял неподалёку и нерешительно поглядывал на Колю. Коля курил и, сосредоточенно нахмурившись, пытался прочесть табличку с надписью «Не курить».

– Коля, привет! Ты что тут делаешь? – спросил Иван.

– Здравствуй, Ваня, – ответил Коля и, вынимая руку из кармана, покачнулся.

Тут Иван заметил, что Коля вдребезги пьян.

– Что с тобой, Николай? Ты с кем пил?

– Один... Зачем нужно с кем-то ещё пить – одному лучше – много ли хватит вдвоём – какие деньги у студентов – сам знаешь.

– Ладно, иди домой, ложись спать.

– Спать – это хорошо – я не спал ночью – домой не хочу – тут посплю – на лекции – в уголочке – тихонько.

Он засмеялся дребезжащим смешком и снова покачнулся. Ивану пришлось подхватить его. Дело было плохо. Колю нужно было увести отсюда. Иван оделся и повёл Колю домой. Цветков снимал комнатку пополам с другим студентом у какой-то молочницы. Старуха разохалась и раскричалась, увидев пьяного Колю, но Иван кое-как успокоил её, раздел Колю с её помощью и уложил в постель. Несколько раз Коля порывался встать – Иван удерживал его, и наконец он заснул.

«Где это он так нализался?» – озабоченно думал Иван, осматривая комнату. Простая, убогая мебель, книги на подоконнике, табуретки, две койки, на столе что-то белело. Иван подошёл, это была телеграмма. «Маша умерла, похороны завтра. Тётя Лена». Какая Маша? Кому адресована телеграмма? Цветкову.

Иван выскочил к старухе-хозяйке с телеграммой в руке.

– Когда пришла эта телеграмма?

– А вечером пришла, милок. Он как прочитал её, моментом оделся, занял деньги у меня, у Миши, свою стипендию взял и побежал что есть духу. Больше не ворочался. Такой хороший парень! Неужели он деньги на выпивку занимал? Знала бы, нипочём не дала.

– А где Миша?

– За хлебом пошёл. У него лекции с двух часов.

Иван дождался Мишу, студента из другого института. Миша знал немного: Коля вчера вечером хотел лететь домой самолётом. В чём дело? Неизвестно. Почему не улетел? Непонятно. Впрочем, вполне понятно: вчера была нелётная погода, ни один самолёт вчера бы не вылетел.

– Ещё вопрос: кто такая Маша?

– Какая Маша? – удивился Михаил. – У него не было никакой Маши.

– Тогда кто такая тётя Лена?

– Это его тётка: они друг друга терпеть не могут, он мне рассказывал... Погоди, погоди, – вскричал Михаил. – Его мать зовут Марьей Антоновной.

– Звали, – коротко поправил Иван, которому всё стало ясно. – На, прочти.

Иван вышел совершенно оглушённый: у Коли умерла мать. Он пришёл в институт: на лестнице его встретил декан и спросил, почему он опоздал. Иван отвечал как сквозь сон и не слышал, что говорил ему декан. В перерыв он собрал ребят и объявил им печальное известие. Все молчали.

– Ясно одно, – сказал наконец Мельников. – Кольку оставлять нельзя.

На этом пока и остановились.

На другой день Коля пришёл в институт. Он не говорил ни с кем, даже не здоровался, с ним старались не заговаривать, да он и не слышал ничего. Он сидел, глядя прямо перед собой неподвижными глазами. Лекций не писал, преподаватели его не задевали. Они уже знали о случившемся. После своей лекции старик-профессор подошёл к Ивану Ключникову:

– Послушайте, а как у него материальное положение?

– Не знаю.

– Как же вы не знаете? Займитесь этим. Нельзя так оставлять его. Ведь если его не накормить, он и есть не будет.

После занятий Иван пошёл с Колей. На квартире у него всё было благополучно. Старуха очень жалела его и заботилась о нём. Миша старался ничем не тревожить Николая. Иван посидел немного у Коли, попытался расшевелить его, но не вытянул и двух слов. Уходя, спросил у Миши и у хозяйки, отдал ли Коля им деньги.

– Отдал, – ответили они.

– Теперь присматривайте, чтоб он не стал пить.

Коля перестал ходить в институт. Ребята в первый же день вчетвером отправились к нему. Он лежал одетый на застланной постели, глядя в потолок. Целые дни он проводил в таком положении, не говоря ни слова. Говорить он не хотел, а если уж очень досаждали ему, отворачивался к стене. И ни разу ни хозяйка, ни Миша не видели, чтобы он плакал. А мать он любил.

– Так больше нельзя, – сказал Мельников на совещании, которое эта четвёрка устроила у Забелина. – Ещё немного, и Колька вообще впадёт в тихое помешательство.

– Его надо как-то расшевелить, – сказал Козырев.

– Да к нему и подступиться-то боязно, как ты будешь его расшевеливать? – возразил Забелин.

– Может, устроим складчину, пригласим хороших девушек...

– Иди ты, знаешь! – возмутился Забелин. – Придумал тоже!

Иван пошёл к Николаю один. Николай почти не вставал с постели, он то спал, то просыпался, почти ничего не ел, ночью сидел на своей кровати или шёл на кухню курить. Вид у него был страшный: худое бледное лицо, взгляд полоумного.

Старуха, глядя на него, шёпотом жаловалась Ивану:

– Я его боюсь, он что-то заговариваться начал. Ты бы, милоч, как-нибудь утешил его, что ли... Хоть и нельзя утешить.

В это время на кухне раздался грохот: это Миша принёс дрова. Он всё делал вместо Николая: стоял в очередях, колол дрова, словом, выполнял всю работу по хозяйству. В этот момент Иван понял, что он должен делать. Он подошёл к Николаю.

– Вставай, Николай!

Тот не отвечал. Иван грубо взял его за плечо:

– Вставай, тебе говорят.

Коля повернул голову. Впервые на его лице появилось осмысленное выражение. Это было удивление.

Иван был очень рассержен. На его глазах его товарищ сам, своими ногами шёл к могиле: он уже начал кашлять, видимо простудившись во время своих ночных прогулок на кухню.

– Что тебе нужно? – спросил Коля.

– Встань! – крикнул Иван не своим голосом.

Николай встал. Иван надел на него полушубок и шапку. Заставил обуть валенки и взял у старухи рукавицы.

– Идём!

Коля молча повиновался. Иван вышел с ним во двор, прошёл по расчищенной Михаилом дорожке. В сарае потный, без пальто Миша колол дрова. Иван отобрал у него колун и отдал Николаю.

– Работай! – приказал он.

Сначала движения Николая были сонными и неуверенными. Но потом он разошёлся и стал работать с молчаливым диким азартом. Сбросил полушубок, снял шапку, скинул рукавицы: пар валил от него. Миша смотрел в полном удивлении, потом стал складывать дрова и в полвторого ушёл в институт. Иван присел на поленницу и пристально следил за Николаем, потом закурил. Николай, услышав чирканье спички, остановился и посмотрел на Ивана, сказал:

– Дай закурить!

Они курили молча. Сложили дрова. Иван вместе с Колей сходил в магазин. Вернувшись, попросил старуху поставить самовар. Коля пил чай и тихо морщился от удовольствия.

– Придёшь завтра в институт? – спросил Иван.

– Не знаю, – робко ответил Коля. – А что, нужно прийти?

– Нужно. Приходи.

– Хорошо.

– Миша тут всё делал за тебя, пока ты валялся. Теперь твоя очередь, понял?

Николай кивнул. Уходил Иван вечером. Николай вышел его провожать. Снова одевшись в полушубок и на прощанье крепко пожав ему руку, Иван вышел и постоял немного за воротами. Догадка его оправдалась: через минуту в сарае вновь застучал колун. Иван удовлетворённо усмехнулся. На другой день Николай пришёл в институт. Он записывал лекции, разговаривал, правда немного.

– Иван, что ты ему сказал? – спросили ребята. – Ты его поднял на ноги, ведь он почти трупом был...

– Вот именно, я его поднял. Думать надо, ребята. Я его заставил колоть дрова.

– Нет, без шуток?

– Совершенно серьёзно.

А Николай в перерыв тихо сказал Ивану:

– А я вчера посмотрел на твоё лицо, и мне показалось, что ты хочешь меня вздуть.

– Стоило бы, – ответил Иван.

Разговор под звёздами

– Нет, – сказала Нина, – никогда. Она глядела прямо перед собой, подогнув одну ногу под скамейку, а другой слегка ударяя по снегу.

Юра был поражён в самое сердце. Был так: только что Нина поранила палец о неровность верхней доски скамейки. Юра взял её руку, прижал палец к губам и высосал немного крови – «на всякий случай». Потом они прикладывали к ранке снег, чтобы остановить кровь. Розовые капли тающего снега спадали с пальца. Глядя на эти капли, Юра предложил Нине выйти за него замуж. Она сказала: «Нет, никогда».

– Но почему? – растерянно спросил он.

– Конечно, никогда я за тебя замуж не выйду. Ты человек хороший, но я больше не хочу тебя целовать, у меня к тебе руки не тянутся, понимаешь? Лучше я останусь старой девой, но я ничего не могу с собой поделать.

– Так я и думал! – сказал Юра.

Он повернул лицо в другую сторону и медленно вытер слёзы из зажмуренных глаз. Тупая боль нарастала в его сердце. Вообще-то Юрка и раньше чувствовал, что его мучительная страсть не вызывает в Нине ответа. Но недостойная надежда и самолюбие питали его упорное стремление к этой необыкновенной девушке. И сейчас моментально, как кадры в кинохронике, промелькнула в его памяти вся история их знакомства: волейбол, солнце, пляж, вечера, танцы. И вспомнился её удивительно мягкий и удивительно нежный рот.

Он ещё бормотал что-то насчёт своей зарплаты и что он, по сути дела, непьющий. Нина весело рассмеялась в ответ. Тогда он встал:

– Ну что ж, спасибо, что сказала правду.

– Не за что. Давно надо было сказать.

Она по-прежнему сидела и долбила каблуком снег. Ботинок и капроновый чулок... А он помнил эту красивую ногу, какая она была летом: вся загорелая, бронзовая, от влажного купальника и до розовых пальцев, маленьких и запачканных песком. Отчаяние сдавило ему горло. Он пожал Нине руку и пошёл прочь из сквера.

Выходя, Юра оглянулся: Нина свободной и лёгкой походкой направлялась к другому выходу. Конец!

Всё кончилось за пять минут. Город поседел на глазах. У ворот рынка горячий и жирный запах ливерных пирожков вызвал у Юрия ощущение тошноты. Захотелось пить. Он пересёк улицу, вошёл в «Гастроном» и только в очереди за томатным соком обнаружил, что у него нет денег. С досадой осматриваясь вокруг, он думал: «Хоть бы кто из знакомых попался!»

И тотчас из толпы вынырнула Машенька, машинистка отдела кадров. Увидела его и засияла.

– Юра, ты что здесь стоишь?

– Да понимаешь, передел костюм, деньги не переложил, пить охота, а ни копя!

– Вот чудак! Держи!

Он взял у неё одиннадцать копеек и через мгновение уже размешивал в стакане соль. Жадно запрокинул стакан – и вкусная жидкость, смочив горло, словно успокоила его. Из магазина вышли вместе.

– Откуда у тебя кровь? – спросила Машенька и прикоснулась рукой к его лицу.

– Какая кровь? – он остановился в недоумении.

Машенька вынула маленькое зеркальце. Правда, Юра увидел на щеке возле рта засохшее пятнышко крови. Он резко стёр её и ничего не сказал.

– Проводи меня немного, а, Юра? – попросила Машенька.

– Извини, не могу. Очень спешу, – ответил он.

Она вздохнула, осветила его грустной улыбкой и, распрощавшись, свернула на свою улицу. Короткий зимний день клонился к концу. Сильно сутулясь и морща лоб, Юрий шёл по улице. Руки в карманах сжимались в кулаки, губы шептали горькие слова.

На тротуаре лежал брошенный кем-то кусок оберточной бумаги, ещё сохраняющий форму упаковки. Юра хотел отшвырнуть его ногой, но в этот самый миг дунул ветер и услужливо снёс кусок бумаги в канаву. Юра подумал, что подлюга-судьба извиняется сегодня за Нину и выполняет малейшие его желания. Он даже усмехнулся...

Ноги сами свернули к дому Миши. Сейчас он не мог говорить ни с кем, кроме Миши. Но ещё издали он увидел тёмные окна. Суббота, в кино ушли. Однако он всё же подёргал дверь, нажал на кнопку звонка. Тихо. Никого.

И когда стоял у остановки, ждал трамвая, кто-то хлопнул его по плечу. Обернулся.

– Мишка!

– Ты что смотришь, будто всех родных похоронил? – спросил Мишка, сверкая белыми зубами на красном, обветренном лице.

– Плохи дела, Миша! – с трудом ответил Юра.

Миша стал серьёзен. Повёл Юру к себе. Они сели у тёплой голландки, и Юра рассказал о сегодняшнем разговоре с Ниной. Когда он вспомнил её лицо и последние слова, то опять с удивлением ощутил, как горячо стало ресницам и векам. Боясь обратить на них Мишкино внимание, Юрка задрал голову и стал смотреть в дальний верхний угол комнаты.

Миша пошёл на кухню, загремел посудой, выругался и принёс сковородку жареной картошки. Он постелил на стол вчерашнюю газету, и они вместе съели эту картошку. Вид у Мишки был суровый и задумчивый. Убрав со стола, он достал из шкафа свитер и протянул Юрке:

– На, надень вместо пиджака.

– Зачем?

– Пойдём, прогуляемся вместе на лыжах.

– Нет, мне сейчас никакие лыжи не нужны.

– Слушай, Юра, будь другом, пойдём. Там и поговорим!

Юра повиновался. Он взял лыжи Мишкиного брата. На улице было уже темно. Застегнули крепления и пошли. Мишка был одним из лучших спортсменов завода. Он шёл широко, сильно отталкивался палками. Юра сжал зубы. Сначала он только старался не отстать от Мишки, а потом забыл об этом, вошёл в темп и просто жил этим размеренным, могучим движением.

Они спустились на лёд и перешли через реку. Взобрались на другой берег, углубились в лес. Прошли километра три, и Юра почувствовал усталость. Незаметно сбавил темп, остановился на поляне, присел спиной к дереву и стал глядеть на небо.

«Сколько звёзд на небе? – думал он. – Миллион или два? Больше, наверное, раз вселенная бесконечна. Которая из них моя звезда? А, какая бы ни была, всё равно моя звезда паршива. Пускай бы упала, не жалко». Вернулся Мишка, остановился, воткнул палки в снег и спросил:

– Ну?

– Уйди, Мишка! – лениво ответил Юра. Но Мишка вдруг рассвирепел и замахнулся палкой.

– Ты тряпка, слюняй несчастный! – кричал он. – Вставай, а то двину сейчас, не посмотрю, что ты член цехкома!

Юра засмеялся, но тут же лицо его скривилось, и он злобно спросил: – Мишка, чего ты возишься со мной? Чуткость проявляешь, да? На черта мне сдалась твоя чуткость!

Миша посмотрел на него внимательно, нагнулся, подхватил под руки и поднял. Потом отряхнул с него снег и заговорил с неожиданной теплотой:

– Юра, ну что ты? При чём тут чуткость? Я сам пережил это. И не в любви дело, просто ты себя жалеешь. Вот послушай, когда я уходил на службу, мы с Тасей обменялись карточками, поклялись в верности. Самая лучшая девчонка в деревне была. Я влюблен был не меньше твоего.

Суть была не том, что рассказывал Мишка. История обычная и, может быть, сильная именно своей обычностью. Трагизм её проступал в деталях. Мишкин голос стал глуховатым и печальным, когда он вспоминал весенние ночи, проведённые с Таськой. Он не тронул её чистоты, «берёг для себя...». Как писала ему отчаянно нежные письма, «почище Татьяниного письма», гордо заметил Миша. И потом стала глохнуть эта

переписка, иссякла совсем, и на втором году службы Мишка узнал, что Тася вышла замуж за бригадира Ерохина. «Тоже видный парень, хороший, – задумчиво прокомментировал Миша, – а не постыдился у солдата невесту отнять». И Мишка убежал в самоволку, напился, взял его патруль. Тащили по городу силой, он упирался сапогами, скользил по льду и кричал: «Я не хочу жить!» А лейтенант отвечал, подталкивая его: «Дура мамина! Ещё тысячу раз передумаешь и захочешь!» Прав был лейтенант... Дело было не в самой истории, простая история... Но Юра заколдованно слушал, расширив зрачки, как сидел Мишка на «губе», как вернулся со службы, как прибежала к нему тайно от мужа Таська и просила простить... – И ты простил её?

Ничего не ответил Мишка, только вздохнул, высморкался и сказал: – Пойдём.

И Юра пошёл за ним, потрясённый той искренностью и силой, с какой на минуту распахнулась перед ним соседняя человеческая жизнь. Они дали круг по лесу и вновь вышли на лёд реки. По мосту прогремел поезд, опять стало тихо. Светила полная луна и все звёзды. Двое молодых и рослых ребят скользили по белому простору, и от их фигур ложились на снег голубые тени.

Когда они вернулись в город, Юра чувствовал страшную усталость, однако душе его стало легче. Они остановились над оврагом, переводя дух. Мишка отвернул варежку и посмотрел на часы.

– Мишка, спасибо тебе, – сказал Юра.

– Шёл бы ты к чёрту! – ответил Мишка с прежней грубостью. – Уже двенадцать часов. Прибавь оборотов!

<Не позднее 1956 г.>